

Культура и вера: как восстановить разорванный союз?

Доклад на X Гнезненском съезде. 12 марта 2016 г.

*Еп. Михал Яноха,
историк искусства,
викарный епископ Варшавы*

Фото с сайта <http://zjazd.org/>

Собор Успения Пресвятой Девы Марии —
кафедральный собор в Гнезно.
Фото Елены Санниковой

«В начале сотворил Бог небо и землю...»

Начнем с этого самого начала. Псалмопевец поражен тайной творения, и прежде всего — тайной человека:

«Когда взираю я на небеса Твои —
дело Твоих перстов,
на луну и звезды,
которые Ты поставил,
то что есть человек,
что Ты помнишь его,
и сын человеческий,
что Ты посещаешь его?
Не много Ты умалил его
пред Ангелами:
славою и честью увенчал его;
поставил его владыкою
над делами рук Твоих;
все положил под ноги его:
овец и волов всех,
и также полевых зверей,
птиц небесных и рыб морских...»
(Пс 8:4–9).

Процитированный псалом показывает место человека в библейском порядке творения: выше животных и ниже ангелов. С животными человека объединяет призвание к размножению и дарованию жизни. С ангелами человек разделяет призвание к прославлению Творца. Но есть все же одно призвание, сугубо человеческое, проистекающее из того факта, что только человек сотворен по образу и подобию Божию. С этим призванием не могут справиться ни животные — не обладающие ни разумом, ни свободой, ни ангелы — не обладающие телом. Это призвание к творчеству («обладайте землей и владейте ею...»¹) или к созданию культуры. Творчество, или создание культуры — это продолжение Творения. Культура — своего рода «вочеловечивание природы». Культура, понимаемая таким образом, несет в себе жизнь и одновременно служит прославлению Бога, соединяя в человеке животное и ангельское. Через свое творчество человек в раю был связан тройной связью: с Богом, с миром и другим человеком и с самим собой. Но в этот момент появляется грех.

Существует анекдот, рассказывающий об Эйнштейне, который после смерти встретил Бога и попросил Его написать формулу сотворения мира и человека. Бог берет в руки мел и начинает писать. Эйнштейн внимательно следит за каждым знаком равенства и в какой-то момент резко прерывает Бога: «Стоп! Тут ошибка!» Бог поворачивается к Эйнштейну, смотрит на него и спокойно отвечает: «Знаю».

Эта «ошибка», заложенная в Божий план, связана с данным человеку даром свободы, которая потенциально могла быть использована даже против Творца, а в конце концов, и против самого человека. Мы знаем, что так и произошло. В результате падения прародителей райская тройственная связь оказалась разорвана: с Богом (Адам прячется от Творца), с самим собой (чувство стыда как трещина между телом и душой), с другим человеком (Адам возлагает ответственность за грех на ту, которую до сих пор любил). Образ Божий, который человек в себе нес, теряет подобие Творцу. Богатейшие источники человеческого творчества оказываются загрязнены. В результате культура, создаваемая человеком, несет в себе поврежденность первородным грехом. В ней сохраняется непрерывная тоска по Истине, Добру и Красоте (здесь мы вводим три наивысшие платоновские ценности, используемые для описания Творца), и одновременно она борется с тем, что отрицает эти ценности — с ложью, злом и уродством.

Вот краткое изложение библейского понимания культуры в контексте призвания человека к творчеству, искаженному первородным грехом.

Воплощение Сына Божьего становится поворотным пунктом в библейской антропологии, и впоследствии — в понимании культуры. «Бог стал человеком, чтобы человек мог стать богом» (св. Ириной) — Пасха Христова совершает глубинное преображение человека и всего мироздания. Христос, предвечный Бог, принимает на себя человеческую природу, как заблудшую овцу, чтобы, как Добрый Пастырь, принести ее в дом Отца. В перспективе Воскресения — выражаясь радикально — порядок, привнесенный в мир культурой, понимаемой как «вочеловечивание природы», оказывается превзойденным. В этом смысле выражение «христианская культура» является, по словам Сергея Аверинцева, оксюмороном, так как состоит из двух взаимоисключающих понятий. Происходящая из апофатической греко-византийской традиции русская мысль постоянно подчеркивает потребность в оправдании культуры: «Художник хотел бы изменить мир, а в результате создает *только* культуру»

¹ См. Быт 1:28. — *Прим. пер.*

(Бердяев). Более прагматично ориентированная западная мысль не ставила под сомнение обоснованность существования христианства в культуре. Состояние искупления человека описывается западной экзистенциальной теологией выражением «уже да, еще нет». Это «уже да» означает выход за границы культуры в эсхатологической перспективе, тогда как «еще нет» ограничивает культуру пространством, в котором христианство вызревает на земле.

Термина «культура» в Библии нет, как нет его и в древней Греции. Ближайшим по значению к этому слову в античном мире можно назвать греческое понятие *педии*¹, охватывающее искусство формирования человека, а также средства и результаты этого формирования. В Септуагинте греческая *педия* заменяет еврейское существительное «научение». В Новом

Завете термин *педия* появляется шесть раз (Еф 6:4; 2 Тим 3:16; Евр 12:5,7,8,11). Знаменательно высказывание св. апостола Павла: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения (*прос педиан*)» (2 Тим 3:16). Отцы Церкви, начиная со св. Кирилла Александрийского («Педагог») уделили много внимания этому вопросу.

Слово *культура* применительно к европейской культуре — используем забавно звучащую тавтологию — ввели римляне. Первоначальный контекст связывал культуру с землей — *cultura agri*. Позже у Цицерона появляется определение *cultura animae*. Наконец слово «культура» оказывается связано с культом (*cultus*) и с этими многообразными и неоднозначными смысловыми пластами входит в современные европейские языки. Выражаясь образно, культура рождается на земле (*cultura agri*), но касается неба (*cultus*), и тем самым становится культурой духа (*cultura animae*). Душа культуры — это культ.

В научном языке как греческая *педия*, так и латинская *cultura*, понимаемые в широком смысле, аксиологично нейтральны; таким образом, применительно к конкретным системам ценностей, они могут быть оценены как хорошие или дурные, высокие или низкие.

В этом смысле, следовательно, можно равно говорить как о культуре Второй Республики, так и о культуре Третьего Рейха, как о культуре охраны жизни, так и о культуре аборта.

Разговорный язык сузил семантическое поле термина «культура» до явлений, воспринимающихся как позитивные, возвышенные или высокие, просвещение же совершило светскую канонизацию культуры, понимаемой таким образом. Принимая это обиходное, сублимированное понятие культуры, можно ему противопоставить понятия «антикультуры», «контркультуры», «псевдокультуры» или «субкультуры». В современном публицистическом дискурсе понятие культуры используется преимущественно со знаком «плюс». В таком значении понимал культуру св. Иоанн Павел II. В таком же значении термин «культура» будет использоваться в этом докладе.

«Нужна ли культура для спасения?» — спрашивал польский мыслитель Яцек Возняковский². Ответ — да, культура, конечно, нужна для спасения, потому что нет христианства вне культуры. Но одновременно сама культура нуждается в спасении.

¹ Здесь и далее этим словом будет обозначаться греческое *paidea*. — Прим. пер.

² Яцек Возняковский (1920–2012) — польский общественный деятель, искусствовед, писатель, эссеист, публицист, журналист, редактор, издатель, литературный переводчик, основатель издательства «Знак» и Клуба католической интеллигенции в Кракове и Варшаве, профессор Католического университета Люблина и мэра Кракова в 1990–91 гг. — Прим. пер.

Остается вкратце разъяснить вторую часть названия доклада, а именно термин «вера». Культура и вера, понимаемые в самом широком смысле, связаны между собой нераздельно и навечно, потому что каждая культура вырастает из какой-либо формы веры, не обязательно религиозной. В данном выступлении термин «вера» будет использоваться исключительно в религиозном значении и исключительно по отношению к христианству.

Историческая перспектива

Откровение Бога человеку совершается посредством слова. Библия — в ее земной перспективе — это текст, принадлежащий культуре. Новый Завет записан языком Гомера, Платона и Эсхила. Вхождение христианства в эллинистический мир в историческом аспекте начало стихийный процесс инкультурации Благой Вести, а впоследствии — евангелизации греко-римской культуры. С другой стороны — в Средиземноморье происходила стихийная эллинизация Церкви. Этот процесс претерпел ускорение и трансформацию в эпоху Константина, когда христианство вышло из катакомб, а позже — в эпоху Феодосия, когда оно было признано официальной религией империи. Встреча Евангелия с эллинистическим миром сопровождалась глубокой богословской и философской рефлексией. Историю сложных отношений между верой и культурой можно попробовать описать в тертуллиановском ключе противостояния между Афинами и Иерусалимом. «Что Афины — Иерусалиму?» — риторически вопрошал Тертуллиан, указывая на непреодолимую пропасть между Платоном и Христом. На другом полюсе находились богословы, которые, как св. Иустин, строили мосты, искали в языческой культуре зерна правды, *logos spermatikos*. Для одних, как для Тертуллиана, вера во Христа полностью трансцендентна по отношению к языческой культуре, другие, как Иустин, находят в языческой культуре таинственный путь, ведущий ко Христу — *praeparatio Evangelica*. Фигура Христа прочитывается в ключе платоновской триады наивысших ценностей — Истины, Добра и Красоты, которые являют неизвестный античному миру образ Бога, Который есть Любовь (*agape*). Христианство трех первых веков, символически называемое катакомбным христианством, было, с точки зрения языческих религий, подозрительно светским. Поклонение «в духе и истине», казалось бы, отменило традиционное деление на сакральное и профанное, так или иначе присутствовавшее в религиях Римской Империи и Нового Завета. Вхождение Церкви в политическую структуру империи после 313 г. означало переформулирование этой модели и закрепление дихотомии «сакральное — профанное», приведя к созданию культуры, которую Пауль Тиллих обозначил как «теономическую культуру».

Она была сформирована в Восточной Римской империи, после чего была перенесена в возрожденную Карлом Великим латинскую империю и адаптирована в ней. Независимо от иной формы отношений между государством и Церковью (императором и Папой) на Западе теономическая модель сохранялась на протяжении всего Средневековья. Не вдаваясь в различия между византийским Востоком и средневековым латинским Западом, можно сказать, что эта модель выражает в канонической форме базовые ценности Истины, Добра и Красоты на всех уровнях культуры — научном, художественном, юридическом, экономическом, политическом, моральном.

В плане отношений веры и культуры можно говорить о их тесном союзе, поскольку в теономической модели именно вера задает тон всем формам культуры, которая в своем главном

направлении остается сакральной культурой, и тем самым задает тон всем измерениям жизни. В теонимической модели совершается своеобразная сакрализация профанного.

Гнезненские двери

Древним памятником этой культуры, к которой 1050 лет тому назад присоединилась Польша, являются Гнезненские двери — выдающийся памятник романского искусства, памятник материальной и духовной культуры, сокровищница исторических, литургических, богословских, философских, юридических и политических смыслов. Иконографическое содержание — труд польской церковной среды, связанной, вероятно, с Гнезно — являет св. Войцеха как идеал святого епископа, миссионера и монаха, наконец, мученика, который — как *imitator Christi*¹ — в своей жизни воплотил идеалы Истины, Добра и Красоты. Символическая сцена, расположенная рядом с колотушкой на левой створке двери, изображает св. Войцеха, молящегося перед храмом. Этим изображением автор непреднамеренно проиллюстрировал средневековый идеал призвания человека к творчеству, которое объединяет духовный

аспект (молитва) и материальный аспект (изображение храма, а на мета-уровне — и сами двери, проиллюстрированные этой сценой), и тем самым прославляет Бога. Неслучаен контекст описываемой сцены, изображенной на Гнезненских дверях — она помещена в непосредственной близости от колотушки, благодаря которой можно открыть ворота и войти в Дом Божий. Молитва отворяет двери в Царство Божие. Гнезненские двери, как и весь собор, в который они ведут, — это своеобразная *Summa Theologiae*², которая охватывает культуру и веру, землю и небеса. В этом средневековом *универсуме*³ есть также место, в котором нашел убежище языческий мир, изгоняемый поколениями миссионеров. В густом растительном орнаменте, идущем по бордюру дверей, укрылись фигуры диких людей, животных, птиц и чудовищ. Их спасение стало их поражением, потому что, послушные замыслу автора, они стали носителями символических смыслов, провозглашающих победу Всевышнего Бога, Которому служит апостол — святой Войцех.

В конце Средневековья модель европейской культуры начинает трансформироваться из теонимической в автономную. Выражением этого становится постепенный процесс автономизации понятий Истины, Добра и Красоты. В области искусства со времен Ренессанса происходит отделение

¹ Подражающий Христу. — *Прим. пер.*

² Отсылка к трактату «Сумма теологии» Фомы Аквинского. Входит в число классических философских и богословских трудов, считается одним из образцов средневековой европейской мысли. Был начат в 1265 г. и к моменту смерти автора (1274 г.) не был завершен. Главный труд одного из 36 Учителей Католической Церкви. «Сумма теологии» известна также изложенными там пятью доказательствами существования Бога. Теолог составил фундаментальный свод практически всех проблем христианского богословия на Западе, которые подверг скрупулезному схоластическому анализу. — *Прим. пер.*

³ Вселенная. — *Прим. пер.*

религиозного опыта от опыта художественного, хотя религиозная тематика еще долго остается ведущей в католической части расколовшейся после Реформации Европы. В области философии со времен Декарта наступает отход от классической метафизики в сторону эпистемологии. В области науки со времен Коперника, а затем Галилея, нарастает конфликт между верой и знанием, между основанной на буквальной интерпретации Библии космологией и научными открытиями. Тридентский Собор и проведенная под его влиянием реформа Церкви и выражающее ее искусство барокко, со всеми своими парадоксами — это последний мощный манифест союза веры и культуры, последнее проявление симфонии Истины, Добра и Красоты, звучащий многоголосым хором в архитектуре, скульптуре и изобразительном искусстве католических храмов и протестантских кантат Баха.

Просвещение и особенно французская революция принесли радикальный разрыв уже ослабленных связей между верой и культурой. С тех пор основное течение европейской культуры оказывается вне Церкви. В XX веке Истина, Добро и Красота, все больше отрываются от своих метафизических корней, становятся подобны большим ветвям, оторванным от ствола, в которых жизнь еще циркулирует, но в их замкнутом контуре для нее остается все меньше сил и энергии. В новейшую эпоху истина уступает место субъективным нарративам, добро подлежит релятивизации, от красоты искусство и эстетика отказались уже давно. Быть может, последним прибежищем Истины и Красоты отстают точные науки, например, теоретическая физика, в которой эти категории играют существенную роль.

В XX веке под влиянием усиливающейся автономии культуры целостное видение мира также подлежит атомизации. Этот процесс соединяется с глобализацией и экспансией массовой культуры, которые приводят к исчезновению традиционных народных культур. Происходит, пользуясь определением Ганса Зельдмайера, «утрата середины» (*Verlust der Mitte*). То, что пребывало на обочине традиционной гуманистической культуры, оказалось извлечено и воздвигнуто на пьедестал. Дикие звери и гибридные чудовища с бордюров Гнезненских дверей вторглись на середину поля, в то время как темы, центральные до этих пор, придающие смысл всей композиции, оказались отодвинуты на второй план.

Эрос и Танатос, две мощные силы, на протяжении веков вдохновлявшие различные произведения искусства, нашедшие в Кресте Христовом свою вершину, «освобожденные» на наших глазах от оков метафизики, в массовой культуре превращаются в порнографию и кровавый хоррор. Наступает профанация сакрального. Относительные ценности, о которых еще сто лет назад авангардисты спорили в литературе и искусстве, легко наделяя их признаками абсолюта, сегодня становятся предметом игры. Может быть, в будущем история опишет и систематизирует все многообразие явлений современной культуры мейнстрима, которые сегодня обозначаются сколь неточным, столь и многозначным термином «постмодернизм».

Йозеф Ратцингер приводит любопытное замечание Махатмы Ганди: рыбы живут в глубинах и молчат, птицы порхают в небе и поют, звери живут на земле и кричат. Человек соединяет в себе все стихии и несет внутри себя и молчание глубин, и песню неба, и звериный крик. Папа комментирует слова индийского мыслителя в контексте размышлений над популярной музыкой. Современному человеку, лишенному тишины глубин и планомерно отделяемому от бескрайности неба, остается

одиноким звериным криком. Эти определения можно распространить и на множество других измерений современной постмодернистской культуры.

Во время концерта поп-музыки
Пан Когито размышляет
над эстетикой шума.

В общем сама идея
привлекательна —
(...)
заменить Гомера
землетрясением
а Горация —
каменной лавиной

добыть из нутра
то что там есть внутри —
ужас и голод —
и обнажить пути
еды
обнажить пути
дыхания
обнажить пути
похоти
и на красном горле играть
ошалело любовные песни

2.
проблема только в том
что крик разрывает форму
он беднее чем голос —
взлетающий
и опадающий

крик к тишине прикасается
только хрипеньем
а не желанием
описать тишину

ярко темный

в немощи артикуляций
отбросил он мягкость юмора
не ведая полутонов

он — острие
вонзенное в тайну
но не охватить ему тайну
вокруг
и не познать
ее форму

он выражает истинность чувств
из резерваций природы

ищет утраченный рай
в новых джунглях порядка

молит о смерти мгновенной —
и получает ее¹.

В этой черно-белой картине сознательно оставляются образы, лишённые всяких «полутонов», чтобы резче обрисовать проблемы новой антропологии, которая, с одной стороны, вытекает из произведений современной культуры, а с другой стороны — сама ее создает. Поставим наконец вопрос, обозначенный в заголовке: как восстановить разорванный союз? Это практический вопрос. Но ему предшествует теоретический вопрос: возможно ли это вообще? Это требует переосмысления отношения христианства к категориям сакрального и профанного.

Иисус ведет диалог с самарянкой и с Пилатом, а перед Иродом упрямо молчит. С кем Церковь может, а с кем не может вести диалог в современной культуре? Иисус рассказывал притчу о собирателе жемчужин. Где и как искать жемчужины в современной культуре, где искать следы «зерен истины» и как отделить их от плевел? Здесь больше вопросов, чем ответов. Как может найти себя христианин и как может найти себя Церковь в современной культуре? Насколько массовая культура может быть средством евангелизации? Как защититься от вездесущего кича, захлестывающего наши церкви? Каковы культурные последствия информационной революции?

Парадоксально, что во времена кризиса культуры и кризиса веры в Европе на вершинах Церкви появился ряд пророческих фигур, таких, как Иоанн Павел II и Бенедикт XVI, размышления которых над вопросами культуры и веры открывают новые горизонты.

Одно остается неизменным — христианство только начинается. Оно все так же — христианство новых начал. Вера всегда начинается с личного обращения, с возвращения к забытым истокам.

¹ Стихи Збигнева Херберта (польский поэт, драматург, эссеист, 1924–1998). Перевод Глеба Ходорковского.

Открытие тишины глубин и музыки неба может вернуть человеку, плененному преходящим, бескрайние горизонты тайны и восхищения, без которых все погибает.

На одном из фрагментов Гнезненских дверей проиллюстрирован эпизод, который произошел в монастыре на Авентине. Как-то во время братской трапезы рассеянный монах уронил кувшин, который разлетелся на кусочки. Святой Войцех силой своей молитвы совершил чудо восстановления разбитого кувшина. Эта легенда содержит в себе глубокую экзистенциальную истину: нам нужны свидетели, в жизни которых совершилось восстановление того, что разбито, восстановление связи прошлого с настоящим, традиции с

прогрессом, Истины с Добром и Красотой, Афин с Иерусалимом, боли земли с молчанием глубин и песнью птиц. Мы нуждаемся в свидетелях, понтификах, строящих мосты над пропастью абсурда. А в глубине этих наших ожиданий — ожидание Того, Кто воссоединил землю и Небо.

Эта сцена молитвы святого Войцеха перекликается с другой сценой, расположенной рядом со второй колотушкой на Гнезненских дверях. Она изображает завернутое в саван тело убитого св. Войцеха и его отрезанную голову. Это изображение связано своей идеей с положением Христа во гроб. Из-под славного тела мученика, из глубин земли, как будто из прославленного зерна, вырастает дерево, и птицы небесные

вьют гнезда в его ветвях. Гнездо — Гнезно. Осознавал ли безвестный создатель дверей эти ассоциации? Гнезненские двери говорят о том, что истинное примирение совершается через смерть.

Христианин не может быть

оптимистом, но и не может не быть человеком надежды. А надежда простирается за горизонт преходящего. Последняя книга Нового Завета, к которой нужно постоянно обращаться, после описания ужасов и разрушений, открывает сияние Нового Иерусалима. Все заканчивается исполненным жажды зовом страждущей Церкви: гряди, Господи Иисусе, Маранафа!

Печатается с сокращениями

Перевод с польского Светланы Журавлевой